

ОСУЖДЕНИЕ ЗАКОНА И СОВЕСТИ

К проблеме духовных поисков декабристов по документальным источникам

Скандальная история, которая произошла во время пребывания декабристов, следовавших к месту каторги, в доме иркутской полиции, обрела широкую известность. Упоминание о ней находим в архивных источниках: по просьбе исполнявшего должность председателя губернского правления Н.П. Горлова воинский караул тогда был снят, «после чего всякий мог беспрепятственно иметь с государственными преступниками сообщение»¹.

Случай действительно незаурядный, на него ссылались, желая показать, что отношение к декабристам со стороны представителей сибирской администрации было далеко не однозначным. Но если обратиться к документам и внимательнее рассмотреть обстоятельства дела, увидим, что история показательна и в другом отношении. Среди тех, кто вовлечен был в эти события и давал показания, оказался учитель иркутской гимназии француз Жульяни. Оправдывая своё поведение, он сообщил, что не чувствует за собой вины, ибо действовал из сострадания, как человек, тронутый бедственным положением участников мятежа. И оставил замечательную по краткости и глубине фразу. «В продолжение свидания моего с государственными преступниками, – указал он, – не было других разговоров, кроме тех, кои в состоянии доставить утешение людям, на коих я взираю, как на несчастных, ибо они подвергаются двойному осуждению: закона и совести»².

Осуждение официальное, несоразмерное со степенью вины, явные и скрытые его мотивы, давно привлекали внимание исследователей. Жестокая расправа с людьми, желавшими блага отечеству, стала предметом подробного, внимательного изучения. И лишь в немногих работах, преимущественно последних лет, заметно желание обратиться к внутреннему миру декабристов, испытавших «осуждение совести», проследить духовную их эволюцию на каторге и поселении. Считалось, что и в тех условиях люди передовых взглядов, противники абсолютизма и крепостничества, оставались натурами цельными, сохраняли убеждения, достоинство, веру в себя. А если и были такие, кто обращался к религии, обнаруживал душевные терзания, отзывались о них вскользь, снисходительно, как о слабых, не выдержавших испытания борцах с самодержавием. Философию, не направленную «на решение практических задач революционной борьбы», объявляли «пустым умствованием», а религию полагали «идеологией царизма» и «главным врагом декабристов, против которого направлен был основной их удар»³.

В редких случаях, упоминая «горестное состояние» декабристов, лишенных всех прав, имущества и привилегий сословия, показывали их душевное смятение, тут же, впрочем, объясняя его трудностями быта, болезнями, тоской по родным. В образ представителя дворянской революционности, принято было думать, не вписывались сложные, порой мучительные духовные поиски, и уж тем более откровенное покаяние перед собой, своей совестью, и высшей властью. Хотя ощущение неудовлетворенности, внутреннего разлада, духовной «неприкаянности» характерно было не только для активных участников тайных обществ. Федор Глинка, который разошелся во мнении с заговорщиками, не приняв радикальной программы, и не участвовал в выступлении 14 декабря, испытывал сходные переживания. «В течение всей последующей жизни, – писали о поэте, – он приоткрывал в своих стихах мятущуюся истерзанную душу, «расщепленное» сердце, внутренний духовный разлад»⁴.

Общая атмосфера последекабристской эпохи была проникнута ощущением свершившейся катастрофы, которая отразилась и на судьбах участников заговора, и на судьбе всей России. Одни декабристы, вдумываясь в происшедшее, пересматривают идеологиче-

ские установки, приходят к отрицанию насильственных методов переустройства. Другие обращают взгляд на себя, погружаются в сложные, противоречивые духовные поиски. «Неотъемлемыми чертами духовной жизни того романтического поколения» становятся «самоанализ и самоуглубление»⁵. Пожалуй, в наиболее развернутом виде «альтернативный» взгляд на выступление 1925 года высказал «декабрист без декабря» П.А. Вяземский. «Замыслы их были преступны, – писал он об участниках мятежа, – и безумны не только противу правительства, но и противу России, которая... надолго была бы потрясена, если бы покушение их увенчалось успехом. Оно залило бы Россию кровью, и передовые люди утоплены были бы в этой крови другими лицами передовейшими»⁶.

Сходным образом оценивал события на Сенатской площади П.Я. Чаадаев. Вызвав негодование А.И. Тургенева и других сторонников переворота, он признавал, что разделял убеждения молодых реформаторов, тоже мечтал об улучшениях и «преимуществах для России». Но был «счастлив, что только разделял эти мысли, не пытаясь, как они, осуществить их преступными путями, и не запятнав себя, как они, ужасным бунтом, наложившим неизгладимое пятно на национальное достоинство»⁷. По мнению автора «Философических писем», декабристы слишком решительно действовали и слишком мало размышляли, поступок у них опережал мысль, отсюда упрек в «страшном грехе безразличия к истине». Но упрек относился к периоду, который предшествовал мятежу, П.Я. Чаадаев не обрушивал критический пыл на людей, пострадавших за убеждения, переносивших лишения и нравственные тяготы. И это было справедливо: многие из них пересмотрели позицию, переосмыслили прошлое. «Безразличие к истине» для них уже не было характерно.

Обстоятельства и смысл духовного перелома декабристов вызывают интерес и сегодня. Справедливо признать, что «эволюция философской идеологии декабристов в неволе и после нее – интересная, нужная, но бесспорно особая историко-философская проблема»⁸, которая остается мало изученной. Хотя подлинные материалы, включая те, что находятся в фондах Государственного архива Томской области, позволяют обратиться к внутреннему миру участников тайных обществ, рассмотреть долгий и сложный путь «к себе», исконным нравственным установкам. «Сегодня ясно, что декабризм, как явление, раскрыл себя в сибирский период не меньше, чем в период подготовки к выступлению, – указывал Яков Гордин, один из вдумчивых исследователей эпохи. – Моральные и физические истязания следствия, ужас казематов, этапные мытарства смыли слой иллюзий и экзальтации, и открылась человеческая сущность»⁹ участников мятежа. Причем открылась, и вполне красноречиво, именно в документах – официальной и частной переписке, отзывах губернской администрации, письменных хлопотах ссылных.

Обратившись к этим источникам, увидим, что едва ли не главным в «потоке самоанализа» становится мотив покаяния, как следствие духовного кризиса, большой внутренней работы. «Осуждению совести», так или иначе, подвергли себя многие декабристы, независимо от степени вины и последовавшего наказания – одни на этапе следствия, в казематах, другие на каторге и поселении. Отбыв двадцатилетнее заключение, Г.С. Батеньков, скажем, оставался в убеждении, что «страдал очень мало вследствие своей вины» перед властью и обществом, «более по стечению обстоятельств»¹⁰. Но, содействуя исполнению радикальных планов вождей мятежа, что противоречило его пониманию поступательного, «законного» развития событий, он признавал вину перед собой. И указывал, что терпеливо, безропотно принимает несчастья, что готов нести крест дальше, находя утешение в бессмертии духа. «Благоговей перед неисповедимыми судьбами провидения, я с христианскою покорностью храню мир в душе моей»¹¹, – сообщал после выхода из каземата.

Испрашивая о всемилостивейшем прощении вины, А.И. Одоевский составил взволнованное, искреннее послание. «Я чувствую, я убежден, сердечно и умственно, – писал князь, – что вполне заслужил кару, определенную законом, и с должным терпением переношу свой жребий»¹². Его, потомка старинного дворянского рода, тяготила мысль о при-

надлежности к противоправительственному заговору, пусть и составленному из лучших, благороднейших побуждений, он молил снять со своего имени клеймо преступника, отпустить проститься с умиравшим отцом. Интересно, что, поддерживая эти хлопоты, генерал-губернатор А.С. Лавинский сообщал А.Х. Бенкендорфу, что «недуг Одоевского... мог бы при непрерывных душевных страданиях истощить последние его силы, ежели б не подкрепляла оных надежда на милосердие и благодать Государя Императора»¹³. Покаяние и тяжкие условия жизни сделали А.И. Одоевского «христианским поэтом», он стал личностью «христороподобной, быть может, даже полюбил своё страдание», как выразился Н.П. Огарев. Хотя «церковь была ему не нужна, ему только было нужно подчинить себя идеалу человеческой чистоты, которая существовала для него в Христе»¹⁴.

Стремление к совершенству характерно было и для других декабристов, воспринимавших бедствие, как справедливую, заслуженную кару за тяжелейшие, в христианском понимании, грехи – тщеславие, властолюбие, гордыню. Понятия «преступление», в правовом толковании слова, и «грех», категория религиозно-нравственная, для декабристов нередко сливались, выступая одно вместо другого. «Кара небес», суд совести воспринимались, как наказание более осязаемое, чем суд общества, гражданская и политическая казнь. Двойное возмездие, «осуждение закона и совести», за двойное, по существу, преступление, было несравнимо сильнее, чем наказание, справедливое или жестокое, за вину перед властью и законом, оградившим общество от потрясений и мятежей. Отсюда сложные духовные переживания. «Кризис революционного сознания» отчетливо намечает «линию внутреннего развития от христианского смирения перед волей Провидения» до сознания неизбежности искупления вины¹⁵.

Сложные переживания испытывал Ф.П. Шаховской. Документы сибирской поры мало отражают мироощущение ссыльного декабриста, но представление о болезненном его состоянии официальная переписка даёт отчетливое. В апреле 1828 года сообщается, что он, получив врачебную помощь, «сделался покойнее насчёт здоровья и надеется исправить болезненное своё положение, которое состоит в видимых наружных припадках»¹⁶. А в июне, через два месяца, появляется рапорт о «сумасшествии находящегося на поселении в городе Енисейске преступника Федора Шаховского». Причем признаки сумасшествия, по мнению властей, заключаются в том, что он стал «совершенно уверен в... полученной от Бога благодати, приуготовившей его к проповеданию христианской веры»¹⁷. Официальный рапорт не раскрывал душевное состояние декабриста, сообщение о «сумасшедших» идеях требовало известных подробностей. Но вдаваться в них никому не было нужно, для властей было важнее, что «он весьма тих и ведет себя благопристойно».

Сильные душевные терзания, находясь на поселении, переживал Н.С. Бобрищев-Пушкин. «Совершенное отсутствие ума», как видно из официальной переписки, стало причиной его перевода из Спасского монастыря в Дом умалишенных. Но оценивать меру потери рассудка, степень умалишенности декабриста брались с полной уверенностью чиновники губернского правления, полагаясь на «удостоверение здешнего городничего и врачебной управы»¹⁸, далекое от объективного. И здесь «благопристойное поведение» больного делало, в глазах властей, лишним, ненужным описание его душевного состояния, мучительных переживаний и религиозных поисков. В конце концов, выполнение обрядов, видимое благочестие для чиновников было важнее понимания религиозных взглядов «государственных преступников». В рапортах о поведении Г.С. Батенькова полиция, например, отмечала, что он «при отличном поведении гражданами за кроткий нрав, прямой и благородный образ мыслей любим и уважаем, церковные обряды выполняет как истинный христианин»¹⁹. Книги ссыльный читает, находим в другом документе, но «ведет себя хо-рошо и в образе мыслей скромн»²⁰.

Благочестие, впрочем, следовало оказывать на виду, в пределах территории, которую определяли для жительства поднадзорных. В феврале 1833 года иркутский гражданский

губернатор И. Цейдлер сообщал, что «государственный преступник Александр Беляев... просит дозволения исполнить священную обязанность посещением... Знаменской церкви, отстоящей в шести верстах с прожитием в той волости неделю говения», а также просит «в другие праздничные и воскресные дни ездить для моления в означенную церковь»²¹. Сохранилось и прошение А.П. Беляева, крайне любопытное для понимания взглядов декабристов сибирской поры. Он писал: «Будучи поселенным в Иглинском винокуренном заводе, я лишен возможности посещать Храм Божий и исполнять священные обязанности, которые Христос возложил на нас для нашего спасения и которые в теперешнем моем положении составляют единственную мою опору», поскольку религия сделалась необходимейшим делом²². Ходатайство декабриста было удовлетворено.

Напряженный поиск мировоззренческой точки опоры, сосредоточенную внутреннюю работу, духовные переживания в последекабристскую пору видим даже у тех, кто мало был склонен в рефлексии. В. И. Штейнгель сообщал в письмах, что теперь, после всех испытаний, он «умом и сердцем весь в воле божией», и что нужно «не доживать, а дострадать» остаток жизни «по воле непостижимого» и нести покорно «свой крест, его благость благословляя»²³. С.П. Трубецкой советовал в письмах жене «уповать во всем на благость» того, кто наделен святостью, убеждая, что «одним совершенным терпением и покорностью можем мы пребывать в его милости»²⁴. Подчиняясь воле провидения, П.А. Муханов указывал: «лучше переносить ее с мужеством, чем позволить унижить себя малодушием, недостойным человека». Что не мешало ему тут же признать: «Бог дал мне силу и моральную, и физическую»²⁵. Но и мужественное приятие судьбы не исключало душевных терзаний. «Проведя семь лет в различных крепостях, он изнемог душою и телом...»²⁶.

Осуждение закона и совести декабристы сознавали по-разному, пытались раскрыть свое видение в частной переписке. Официальные документы судить об их взглядах позволяют с осторожностью. Но и там мотив раскаяния звучит заметно, хотя раскаяние, скажем, А.И. Одоевского и А.Н. Муравьева имело все-таки разные побудительные причины. А. И. Одоевскому важно было вернуть внутреннее равновесие и уважение к родовитому имени. В ходатайстве о «всемиловитейшем» прощении вины он сообщал, что «впал в преступление не по велению сердца, а по повреждению ума и молодости»²⁷, но после долгих страданий обрел право на великодушие государя. Между тем как А.Н. Муравьев стремился «загладить прошлую вину свою и показать на опыте... пламеннейшую верность» престолу. Он дал честное слово, что отказывается от всяких сношений и суждений с людьми вредномыслящими и «обязался служить верно»: «взяв в соображение и чин свой, и прежнее звание», декабрист хлопотал о вступлении на гражданскую службу²⁸.

Прежде, в годы «мятежных» увлечений, верховная власть рисовалась многим, как абсолютное зло, враждебное человеку, рассчитывать на ее великодушие казалось невыносимым. Раскаяние заставило пересмотреть эти представления. К тому же от нее, всемогущей власти, зависели теперь здоровье, благополучие да сама жизнь декабристов, оказавшихся в исключительных условиях. И вот А.В. Веденяпин взволнованно пишет генерал-губернатору С.Б. Богдановичу: «Жизнь моя делается невозможной. Ныне я имею для себя бедный дом и небольшое скотоводство, которого неминуемо должен лишиться, не имея средств... Мне не на что купить дров и нужного освещения... И я уверился, что должен погибнуть, если рука милосердия высшего начальства не подаст мне помощи»²⁹. При этом было известно, что рассчитывать на помощь правительства может лишь тот, чье поведение безупречно. Сибирской администрации надлежало «внушать» ссыльным, чтоб «вели себя тихо, скромно и никаких связей ни с кем не заводили»³⁰.

Скромное, «покаянное» поведение ссыльных отвечало требованиям властей. И всё же в большинстве случаев обусловлено было причинами внутреннего, а не внешнего порядка. Тот же А.В. Веденяпин, называя себя «самым несчастным из миллионов», откровенно признавал: «За проступок невольный для меня потеряно доброе имя, связи родства,

счастье жизни, наконец, самое здоровье... Имя государственного преступник, это клеймо отвержения, это проклятие каиново, преследует, душит меня...»³¹. События 14 декабря спустя годы виделись ему «роковыми», а последовавшие суровые испытания рисовались «жертвой безрассудства». Подобные признания обычно не заслуживали внимания исследователей, многообразии причин, побудивших переоценить прошлое, сводились к одной, слабости духа. Тема раскаяния, полагали, могла подниматься только в дворянско-буржуазной историографии, а сомнения и колебания могли свидетельствовать только о примирении декабристов с самодержавием³².

Но вот «правильный» декабрист В.Ф. Раевский, пишет из Олонков, что смотрит на прошлое спокойно, «без ропота раскаяния», что виновным себя не считает, «доказывая справедливость понятий». И заканчивает неожиданно: «Видно, провидению так было нужно»³³. Для человека, твердость убеждений которого не вызвала сомнений, который до и после ареста стоял на материалистических позициях, признание «воли провидения» кажется неуместным. Но проследить духовный путь В.Ф. Раевского, проникнуть в его внутренний мир, который он старательно оберегал, мало кто, по большому счету, пытался. Между тем, сохраняя верность убеждениям, «первый декабрист» не терял связи с эпохой, впитывал все идеи, был открыт господствовавшим в обществе настроениям, воспитывался на той же литературе, что набожный Г.С. Батеньков, другие друзья молодости. Поиски истины были ему не чужды, а несчастья, при всей твердости духа, подвигали к духовной эволюции. «Несчастье, – полагал Н.В. Гоголь, – умягчает человека, природа его становится более чуткой и доступной к пониманию предметов, превосходящих понятие человека, находящегося в обыкновенном и вседневном положении»³⁴.

Напряженная духовная и интеллектуальная работа декабристов в Сибири проходила на фоне кризиса общественной мысли, идейных исканий, литературных полемик. «Осуждение совести», как собственное наказание за явные и мнимые прегрешения против нравственности и православных канонов, могло быть связанным с «осуждением закона», а могло возникать независимо от правового, официального толкования вины. Могло приводить к откровенным признаниям, философствованиям, развернутым обобщениям, а могло проявляться в минуту острых душевных переживаний вроде бы вне всякой связи с устоявшимся образом мыслей. Могло исходить из религиозного понимания порядка вещей, иметь в основании «христианский» фундамент, а могло вытекать из иных установок, иметь другие, и достаточно веские, причины для «совестливой» самооценки прошлого. И уж, во всяком случае, такое осуждение свидетельствовало не о слабости духа или примирении с действительностью, против которой декабристы в свое время открыто выступали.

Напротив, попытка разобраться в себе, переосмыслить поведение и дать ему принципиальную оценку была свойственна натурам цельным и сильным, не утратившим нравственный потенциал. Не удивительно, что в Сибири «декабристам открылись «предметы», не очень занимавшие их в прежнем, «вседневном» положении. Осмысление судьбы России и места человека в Творении становятся равными вопросами, – отмечала Е.И. Анненкова. – Уравниваются интенсивность общественной и религиозной мысли, а последняя у декабристов обращена к насущным и важным проблемам человеческого бытия...»³⁵.

¹ Государственный архив Томской области (ГАТО) ф.417 оп.1 д. 2 л. 21 об.

² ГАТО ф. 417 оп.1 д. 23 л. 36 об.

³ Габов Г.И. Общественно-политические и философские взгляды декабристов. М. Госполитиздат. 1954 г. С. 226, 228

⁴ Левкович Я., И. Мушина Писатели-декабристы в восприятии современников. // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М., Художественная литература. 1980 г. Т.1 С. 25

⁵ Гинзбург Л. Русская лирика 1820-1830 гг. // Поэты 1820-1830 годов. Л. Советский писатель. 1961 г. С. 69

⁶ Из письма П.А. Вяземского П.И. Бартеневу // Декабристы. М. Изд. Государственного литературного музея. Под редакцией Н.П. Чулкова и общей редакцией В.В. Бонч-Бруевича. 1938 г. Кн. III С. 496

-
- ⁷ Шаховской Д.М. Якушкин и Чаадаев (по новым материалам).// Декабристы и их время. Труды Московской и Ленинградской секций по изучению декабристов и их времени. М. Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1927 г. Т. II С. 187
- ⁸ Зверев В.М. Декабристы и философские искания в России первой четверти XIX в. (некоторые аспекты изучения). // Декабристы и русская культура. Л. Изд. Наука. 1976 г. С. 28
- ⁹ Гордин Яков. Декабристы и Сибирь – тогда и сегодня (рецензия на книги «Декабристы в Сибири», тома I, II, III) // Звезда 1977 г. №7 с. 212
- ¹⁰ Батеньков Г.С. (Записки и письма) // Гершензон М. О. Русские пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы. М. Изд. Сабашниковых. Т. II С. 58.
- ¹¹ Батеньков Г.С. Из письма Е.М. Сперанской-Багреевой (там же. С. 49).
- ¹² ГАТО ф. 417 оп.1 д. 16 л. 1
- ¹³ Там же, л. 1 об.-2
- ¹⁴ Переселенков С. Огарев и декабристы. // Декабристы. Неизданные материалы и статьи. Под ред. Б.Л. Модзалевского и Ю.Г. Оксмана. М. Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев (Труды Пушкинского дома при АН СССР). 1925 г. С. 288
- ¹⁵ Левкович Я., И. Мушина Писатели-декабристы в восприятии современников. С. 18
- ¹⁶ ГАТО ф. 417 оп. 1 д. 6 л.2 об.
- ¹⁷ Там же, л. 3 об.
- ¹⁸ ГАТО ф. 417 оп. 1 д. 13 л. 5
- ¹⁹ ГАТО ф. 3 оп.36 д. 196 л.150
- ²⁰ ГАТО ф.3 оп. 2 д. 513 л. 4
- ²¹ ГАТО ф. 417 оп. 1 д. 15 л. 1 об.
- ²² Там же. л. 2
- ²³ Письма В.И. Штейнгеля // Декабристы. М. Изд. Государственного литературного музея под общей редакцией В.В. Бонч-Бруевича. 1938 г. Кн. III С.389, 392, 393
- ²⁴ Там же, с. 315
- ²⁵ Там же, с. 126
- ²⁶ ГАТО ф. 417 оп. 1 д. 15 л. 8
- ²⁷ ГАТО ф. 417 оп. 1 д. 16 л. 1
- ²⁸ ГАТО ф. 417 оп. 1 д. 3, 7
- ²⁹ ГАТО ф. 417 оп. 1 д. 19 л. 27
- ³⁰ ГАТО ф.417 оп.1 д. 9 л.9 об.-10
- ³¹ Кубалов Б. Письма декабристов. // Сибирь и декабристы. статьи, материалы. неизданные письма, библиография. Под ред. М.К. Азадовского. Иркутск. Изд. Иркутского губисполкома 1925 г. С. 133
- ³² Тальская О.С. Декабристы о самодержавии в годы сибирской ссылки.// Ссылные декабристы в Сибири. Новосибирск. Изд. Наука. 1985 г. С. 19-20
- ³³ Из письма Г.С. Батенькову 1848 года. // Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск. Восточно-Сибирское книжное изд. 1983 г. Т. II С. 407-408
- ³⁴ Анненкова Е.А. Гоголь и декабристы. М. Изд. Прометей. МГПИ им. Ленина 1989 г. С. 9
- ³⁵ Там же.